

Французский оперный букет

Три месяца французских оперных впечатлений. На чем остановиться особо? Стоит ли обобщать пеструю смесь стилей и уровней? Стоит ли пытаться найти закономерности в рисунке букета, где рядом с пышными хризантемами притулились скромные ромашки, где мелким незабудкам приходится волей-неволей пристраиваться рядом с крупными розами? Попробую, забыв систематизаторский азарт, ограничиться охапкой впечатлений.

Франция некогда была великой оперной державой, вровень с Италией, а Париж являл собой пуп европейской оперы. Сегодня все это позади, даже самые крупные французские «лирические дома» не могут соперничать с лидерами оперного дела (хотя бы Ковент Гарденом) ни репертуаром, ни «звездностью», ни просто базовым уровнем. Нет ни одного театра, в котором, как в Венской Штатапер или Английской Национальной, играли бы каждый день весь сезон: оперные дни рассыпаны по музыкальному году Франции рябью огоньков, ярких или тусклых, но неизменно несчастных.

Вот небольшой, уютный театр в Авиньоне в двух шагах от знаменитого Папского дворца, где летом бушуют театральные фестивали. Здесь оперу дают наряду с драмой и балетом, концертами и опереттой. В нынешнем сезоне среди нескольких названий — «Сила судьбы» Верди, которую сработали несколько театров вместе «в целях получения высокого качества», — се авиньонцы и жители окружающего воклюзского края увидели всего лишь два раза. И еще «Дон

добротного профессионализма, зато маэстро Франсуа-Ксавье Бильжо предложил плотного, жестковатого, насыщенного мистическими токами Моцарта. Сценически спектакли объединяла безукоризненная работа художников по свету (может быть, это вообще то главное, чем может сегодня хвастаться французская оперная сцена). Ликующе яркие шелковые занавесы, за которыми скрываются беглецы, и стены, становящиеся прозрачными, разворачивали в нужную символическую сторону блеклую режиссуру Бернара Брока в опере Верди, а лучи, режущие пространство на смысловые части, давали видимость триумфа смутным поискам Филиппа Сирия в «Дон Жуане».

Громадная Марсельская Опера находящаяся в плотном кольце секс-шопов и увеселительных заведений (портовый город!), потчует своих зрителей одним оперным названием в месяц. Верди выпал на мою долю в виде «Набукко», Моцарт — «Похищения из серала», а французская оперная классика — в лице *opus mysticum*, «Пеллеаса и Мелизанды» Клода Дебюсси.

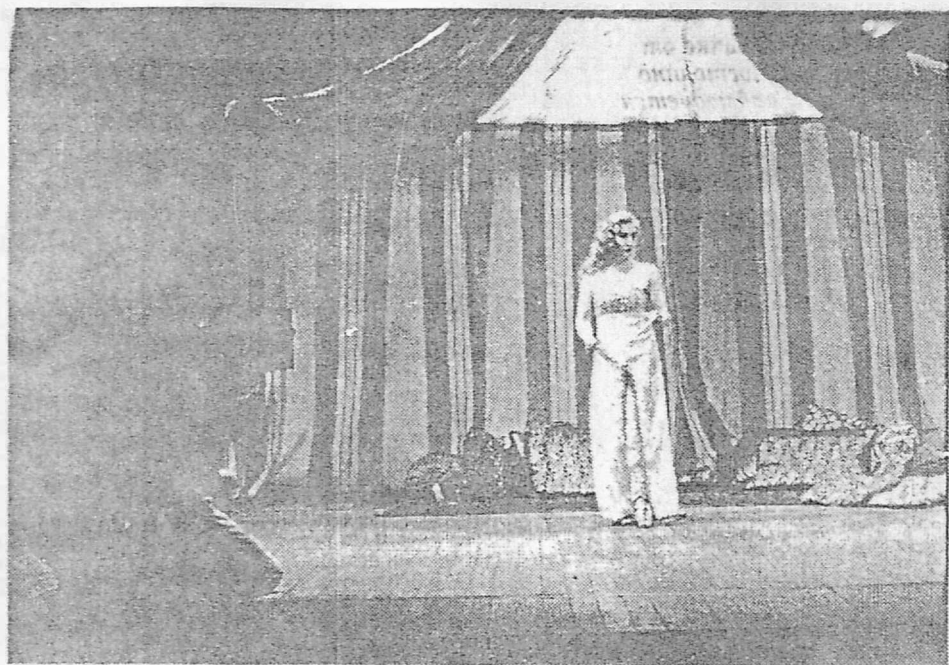
Жуан», позаимствованный у Королевской Оперы Валлонии.

В вердиевском шедевре диапазон артистических достижений распространялся от Людмилы Шемчук, с ее грубым вокалом и вульгарными ухватками, до Фильдхельмсини Фернандес, примдонны по статусу, известной широкой публике по нашумевшему фильму «Дива». Последняя, не будучи идеальной вокалисткой, греша сбоями в регистровых переходах и тембральными промахами, с такой самоотдачей вставляла в судьбу Леоноры, с такой любовью облепала все уголки ее мятущейся души, что не принять ее в сердце было просто невозможно. Рядом с Фернандес меркли даже немалые вокальные достижения тенора Франсиско Казановы и баса Альфонсо Эчесерриа.

В шедевре Моцарта пальму первенства тоже захватили женщины. Исландка Сола Брага с первого звука, с первого жеста бросила публике свою страстную, романтическую Анну на любовь и растерзание. Эта женщина с темным, глубоким голосом и ясными верхними регистрами безоглядно отдавалась своему соблазнителью, по поводу чего не оставалось никакого сомнения. Вся драма Анны двигалась от палящего греха счастья к иссушающей головной добродетели, и ее душа осыпала у нас на глазах, лишь временами давая грозные вспышки. Эльвира-стерва в исполнении нервной и резковатой Мариэтт Кеммер и Церлина-фифа в интерпретации хорошенькой и церемонной Софи Кох создавали на сцене прозрачную среду эротики на все вкусы.

Севильский супермен из Индианы Ричард Коуэн был энергичен, голосист и страшен. Страшен физически: его голос солидной огранки, лицо грубой лепки и тело простецкого отеса двигались на зал устрояющим каменным гостем. Вровень с ним, как духовный антипод, вставал Командор поляка Войтеха Смильска, чья задушевная славянская мягкость оказывалась благородной альтернативой веской упакованности индианца.

Музыкальные уровни спектаклей были не равноценны: дирижер «Силы судьбы» Сириль Дидерик не вырывался за рамки

шим. Вот и мне довелось услышать раритет — оперу «Добросердечный ворчун» Висенте Мартини-и-Солера на либретто не кого-нибудь, а Лоренцо да Понте. Увы, ни режиссура, ни музыкальное руководство не позволили в полной мере оценить достоинства этого венского шлягера; но в отдельные моменты, благодаря певцу итальянок Глории Бандителли, Луиджи Петрони, Роберто де Кандиа и Умберто Кьюмо, каталонца Франсеска Гаррикосы, перуанца Эрнесто Паласио и особенно немки Эвы Кирхнер, возникало острое желание узнать получше творчество знаменитого испанца, этого былого соперника Моцарта, потому что случившиеся темные заводы и бурные водовороты оказывались ни на что не похожими.

Чувство разожженного любопытства возникло и в Ницце, на сей раз по отношению к оперному творчеству Гайдна. Его «Неожиданная встреча» брала не драматическими передраками, но несвероятными музыкальными достоинствами. Китайский дирижер Лонг Ю, нынешний генеральмузидиректор Пекинской Оперы, проявлял классическую ясность музыкантской мысли и полное отсутствие манерности в самых вычурных пассажах. Все певцы, как один, демонстрировали стилистическую состоятельность и актерскую смелость: действия перенесли в тридцатые годы, на индусскую киноэпопею «*de la Victroline*», и актерам приходилось играть то кинодействителей того времени, то киноперсонажей из условного ориентального пространства. Но, как бы ни были хороши канад-

ка Ребекка Кейн и англичанка Луиз Уинтер, немец Вольфганг Раух и американец Уильям Берден, ярче всех сверкала Лора Клейкомб, которую публика (но не жюри) последнего конкурса Чайковского одарила своей безудержной любовью. Можно с уверенностью сказать, что московская публика не ошиблась: Лора выросла на глазах в настоящую звезду. Сверхнув метсорм в Женеве (срочный ввод в «Капулетти и Монтекки» Беллини), спев вместо Чечилини Гасдиня все спектакли «Золушки» Массене в Монте-Карло, Клейкомб идет победным шествием по Европе, и шквал оваший в Ницце — лишь малая часть ее сегодняшних лавров. Кто знает, не станет ли именно эта рыжая бестия той дивой,

которой ждет обвешанная грабизностью и профессионализмом оперная публика Запады?

«Золушка» в Монте-Карло предлагала певцу именно с такими свойствами. Прекрасная вокалистка, Соня Ганасси знала, что делать с партией Анджелины, но блеском яркой индивидуальности не хватало. Здесь вырвались из передний план обладатели низких мужских голосов — бас Альфонсо Антониош и баритон Ильдесбрандо д'Арканджело, чья вокальная и артистическая талантливость просто била через край. К слову сказать, самый шикарный в мире оперный театр, творение Шарля Гарнье, произвел впечатление чрезмерной роскоши, хотя и оказался прекрасной оправой для естественного россиниевского музицирования.

Остается только обрисовать в этом букете парижские цветы.

Роскошной орхидеей останется в памяти образ Лакме, созданный Натали Дессей в скромном стилизаторском спектакле на сцене Оперы Комик. Французское сопрано не шеголяет, в отличие от итальянок, своей виртуозностью, но с какой-то щемящей застенчивостью устремляется к россыпям верхних *ли*, порхает по ним, как мотылек по полям блаженных, а потом, как на диванчик, кошачьим клубком грациозно укладывается на уютные ферматы, где все мы забываем, что такое здесь и сейчас.

Недораспустившейся лилией является к нам Ифигения Элен Шейд в спектакле Оперы Бастиль, подписанном экспериментатором Ахимом Фрайером. Вокальные шты ее партнеров по суровой глюковской «Ифигении в Тавриде», тенора Кипа Люиса и баритона Энтони Майклс-Мура, оказываются куда душнее и насыщеннее по цвету.

И вовсе скромной полевой ромашкой с сильно осыпавшимися лепестками предстает бывшая примдонна Рита Горр в спектакле «Медум» на сцене Оперы Комик. Всем, кто помнит знаменитый спектакль Александра Петрова с Ниной Романовой и Геннадием Сулаковым и главных ролях, скромное зрелище Фавар вообще бы показалось унылой самодеятельностью. Но и без сравнений, без всяких точек отсчета принять домохозяйку, за душой у которой не было ни тяжелых переживаний, ни секретов певческого мастерства, за мадам Флору из оперы Менотти оказалось невозможно. Зато публика читла своего былого кумира, как водится, шквалом аплодисментов...

Обвяжу-ка я этот букет лентой. И пусть ему будет выставка оперных и балетных костюмов на лестницах и в фойе Гранд Оперы, где ушедшие боаре и короли, сифиды и полонцы таит в себе не только счастливое прошлое, но, может быть, и великое будущее, нарождающееся как раз сегодня, когда в парижском Дворце Гарнье ремонтируют сцену.

Алексей ПАРИН
Арль — Париж — Москва

На снимках:
«Неожиданная встреча» в Ницце, «Ифигения в Авлиде» в Париже и «Дон Жуан» в Авиньоне.

